

К истории Геленджикского укрепления в 30-е годы XIX в.

К истории Геленджикского укрепления в 30-е годы XIX в.

Жупанин С. О. ,
научный сотрудник
КГИАМЗ им. Е. Фелицына,
аспирант КубГУ

Первые русские укрепления на восточном берегу Черного моря появились задолго до 1839 г. – даты формального основания Черноморской береговой линии. В 1830 г. десантом с моря были заняты Гагры, а в 1831 г. – Геленджикская бухта, укрепление в которой, по замыслу командования, должно было стать важным опорным пунктом для контроля побережья вплоть до границ Абхазии.

Согласно Высочайшему повелению, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал Емануель в рапорте от 22 июня 1831 г. предписывал генерал-майору Берхману, начальнику правого фланга Кавказской линии, взвести укрепление при Геленджикской бухте. Для этого следовало принять расположенные в Тамани войска, и идти к Анапе, где погрузить отряд, а также заготовленные там заранее строительные материалы, на суда для отправления к Геленджику. Необходимо отметить, что выбор места для новой крепости на берегу моря и ее планировку, предлагалось провести после высадки десанта «смотрия по местоположению и удобству». Для этих целей к отряду были прикреплены инженер-подполковник Данилов и топограф Мануйлов [1].

О недостаточной организации данной экспедиции и отсутствии предварительной топографической съемки местности у предполагаемого укрепления, свидетельствует и следующее замечание Емануеля отрядному инженеру Данилову от 22 июня 1831 г.: «...Не получив до сих пор никаких сведений касательно сего числа гарнизона, чтоб не затруднить Вас, она [крепость] должна включать в себя не менее тысячи человек пехоты и восемнадцать орудий и иметь 6-бастионный фронт» [2].

Из внутренних построек предположены были казармы и лазарет. Отметим, что русское командование предавало вновь возводимой крепости большое значение – в Геленджикской бухте предполагалось учредить крупный порт для торговли Черномории с Турцией. Сообщение берегового укрепления с Черноморией предусматривалось осуществлять посредством создаваемой тогда же Геленджикской кордонной линии. Ввиду этого, само укрепление должно было стать мощным военным оплотом. Против пушечных выстрелов профиль его предписывалось усилить каменной одеждой, само укрепление разместить на высотах командующих местностью, а при возможности построить небольшие передовые крепости и водяной ров со шлюзами [3].

Описанные выше грандиозные планы в указанном году осуществлены не были, и к началу следующего 1832 г. существовал лишь укрепленный лагерь десантного отряда, причем располагался он в крайне невыгодном месте, окруженному высотами. В феврале 1832 г. вновь последовало Высочайшее повеление об устройстве прочного укрепления в Геленджике, а также были посланы рабочие для организации каменоломен в бухте и группа офицеров во главе с полевым инженером Кохом. Последний, по осмотре местности, нашел наиболее удобной для возведения крепости южную часть залива [4].

Вероятно, что в 1832 г. дело также не пошло далее разведки местности. В пользу этого свидетельствует характеристика Геленджикского «укрепления» Н. Раевским в январе 1840 г.: «Геленджик это не крепость, а лагерь бригады, которая там расположена на несколько лет. При занятии Геленджика в 1831 г. лагерь был окружен канавою, вдоль которой сперва поставлена была засека, потом черновая стенка, в аршин ширине и в 2 аршина высоты. Делая сию ограду, не полагали строить крепость, даже не было общего предположения лагеря укрепленного, каждый ротный командир строил стенку по усмотрению напротив своей роты...» [5]. Строения в этом временном лагере возводились без фундамента, из плохого леса, располагались без всякого порядка и вскоре пришли в негодность [6]. Положение усугублялось еще и тем, что после 1832 г. стали уменьшать число войск расположенных в Геленджике, и вместо бригады довели до двух рот, которым поручили защиту огромной ограды, названной уже крепостью. Это, в конечном счете, негативно сказалось на и так незначительной обороноспособности укрепления – люди были утомлены постоянными караулами и починкой строений и валов.

Начиная с 1836 г., вопрос о Геленджике вновь приобрел прежнюю остроту. Связано это было, вероятно, с устройством в 1834–1836 гг. промежуточных укреплений Геленджикской кордонной линии, и планами командования на создание «прочного заведения» при бухте, что нашло отражение в ряде проектов 1836–1838 гг., авторами которых являлись инженер-полковник Баумер, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенант Вельяминов, и

генерал-лейтенант Раевский [7].

Предложения первого из них, произведшего, по поручению корпусного командира барона Розена, съемку местности у Геленджика, не были одобрены императором. Инженер-полковник предлагал устроить оборонительные башни на обеих оконечностях бухты для защиты от нападения неприятельского флота. Кроме того, место для самой крепости также было выбрано неудачно – окружено высотами и удалено от источника воды более чем на ружейный выстрел, снабжение которой гарнизона, в случае атаки крепости, стало бы затруднительным.

В связи с этим, Николай I повелел произвести обзор местности для выяснения возможности расположить новую крепость на Северо-Западном мысе Геленджикской бухты, что позволило бы иметь крепость Геленджик в одной линии с другими укреплениями, предложенными возвести на побережье между данным пунктом и Анапой [8].

Вслед за Баумером, в 1836 г., разведку местности провел генерал-лейтенант Вельяминов, результаты которой представил в записке на имя Николая I. Разобрав предложения императора касательно Северо-Западного мыса, автор записи нашел это место невыгодным из-за болот и отсутствия чистой воды, кроме того, новое укрепление оказалось бы в стороне от берегового сообщения с Анапой, т.к. дорога от Суджукской бухты проходила в 8 верстах от оконечности Северо-Западного мыса. В связи с этим, Вельяминов, в качестве места для построения новой крепости, предложил южный мыс геленджикской бухты, как место представляющим наименьшие затруднения в строительстве и дефилировании крепости, а также обладающим здоровым климатом (что подтверждало предложения инженера Коха от 1832 г.). По замыслу автора записи, протяженность нового укрепления составила бы около версты, ведь оно должно было быть достаточно обширным, чтоб на случай экспедиции в горы служить складом боеприпасов и продовольствия, и, кроме того, иметь небольшую судоремонтную базу. При этом Вельяминов полагал все строения в новом укреплении, в том числе и казармы, возвести из сырцового кирпича, что, по его мнению, сделало бы ненужным насыпку земляного вала для их обороны. Помимо самой крепости, генерал-лейтенант считал необходимым устроить в ее окрестностях укрепленную линию из 5 редутов и 20 орудий. При этом в записке императору он отметил, что для выполнения всех работ требовался значительный отряд войск на 1 или 2 года [9].

Николай I, с некоторыми изменениями, одобрил мнение Вельяминова и поручил разработать подробный проект, но из-за смерти последнего, это выполнено не было. Поэтому весною 1838 г. задача разработки проекта Геленджикской линии на южном мысе была возложена на генерал-лейтенанта Раевского. Основные положения данного документа, представленного императору в конце лета, сводились к тому, что окрестности Геленджика представляют значительные

затруднения для создания там обширного укрепления и порта. Кроме того, местных строительных материалов там не было, а их подвоз морем обошелся бы слишком дорого. Раевский указывал и на недостаток сил для строительства – закончить его в лето 1838 г. посредством одного лишь действующего отряда было невозможно, а укрепленный лагерь, называвшийся «крепостью», был неспособен принять войска на зиму. В завершение, автор проекта, указав на затрудненность сухопутных коммуникаций к Геленджику и проведя сравнение Суджукской и Геленджикской бухт, сделал вывод, что последняя имеет лишь второстепенное значение, в то время как Суджук наиболее выгоден в военном и торговом отношениях, чему в немалой степени способствовало и наличие хороших путей сообщения [10].

Уже 20 августа 1838 г. проект Раевского был Высочайше утвержден, и ему предписывалось с действующим отрядом, по окончании работ при Шапсухо, отправиться в Суджукскую бухту для занятия устья р. Цемес [11].

Таким образом, с основанием Новороссийской крепости, ставшей важнейшим военным и торговым пунктом, Геленджик, как береговое укрепление утратил свое прежнее значение, и просуществовал в почти неизменном виде (временный лагерь 1831 г.) вплоть до первой половины 40-х гг. XIX в.

Библиографические ссылки:

1. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 310. Лл. 265 – 265 об.
2. Там же. Л. 266
3. Там же. Лл. 266 об. – 267
4. Ф. 261. Оп. 1. Д. 330. Лл. 1 – 1об.
5. Ф. 260. Оп. 1. Д. 58. Л. 13
6. Ф. 260. Оп. 1. Д. 62. Л. 16 об.
7. Ф. 260. Оп. 1. Д. 58. Л. 13 об.
8. Ф. 260. Оп. 1. Д. 15. Л. 4 об.
9. Там же. Лл. 5 – 5 об.
10. Там же. Лл. 9 – 12 об.
11. Ф. 260. Оп. 1. Д. 17. Л. 15 об.

Источник: Фелицынские чтения XIII. Материалы межрегиональной научной конференции. Краснодар, 2011. С. 43 – 47

<https://slavakubani.ru/p-service/military-service/fortification/k-istorii-gelendzhikskogo-ukrepleniya-v-30-e-gody-xix-v/>